

Автор перевода: Альтсин

Stephen King, Owen King

Sleeping Beauties

Глава 1

1

Ри спросила Джанет, наблюдала ли она когда-нибудь за тем, как свет падает из окна. Джанет ответила, что не наблюдала. Ри занимала второй ярус, Джанет — первый. Обе ждали, когда отопрут камеры и выпустят на завтрак. Наступило еще одно утро.

Казалось, сокамерница Джанет обстоятельно изучила этот квадрат света. Ри объяснила, что квадрат появляется на стене напротив окна, сползает ниже, ниже, ниже, скатывается по поверхности стола и наконец оказывается на полу. В чем Джанет может убедиться сама: вот он, лежит на полу, яркий, аж глаз режет.

– Ри, – ответила Джанет, – мне все равно.

– А я все равно думаю, тебе не все равно! – как обычно заговорила Ри в приступе веселья.

– Как скажешь, что бы ты там ни наплела, – сдалась Джанет и ее сокамерница гоготнула снова.

Вообще-то Ри была ничего, но совсем как младенец – не переносила тишины. Ри закрыли за мошенничество с кредитками, подлог и хранение наркотиков с целью сбыта. Все это получалось не слишком хорошо, что и привело ее сюда.

Джанет закрыли за убийство. Зимней ночью 2005 она воткнула отвертку в пах своему мужу Дэмиену, а он был слишком обдолбан и просто сидел в кресле, пока не истек кровью до смерти. Конечно, она тоже была под кайфом.

– Я следила за часами, – сказала Ри. – Засекала. За двадцать две минуты свет проходит от окна до того места

на полу.

– Да это прямо Гинессовский рекорд, – отозвалась Джанет.

– Прошлой ночью мне приснилось, что я ела шоколадный торт с Мишель Обамой и она злилась на меня: «Ри, ты же растолстеешь!» Но она-то тоже ела этот торт. – Ри ухмыльнулась. – Да не. Я все выдумала. На самом деле мне снилась моя учительница. Она все повторяла, что я не в своем классе, а я отвечала, что я в своем классе, она соглашалась, чуть-чуть продолжала урок, а потом говорила, что я не в своем классе, я отвечала, нет, в своем, мы так и спорили. Это было просто невыносимо. А тебе что снилось, Джанет?

– Ммм... – Джанет попыталась вспомнить, но не смогла. С этими новыми таблетками она стала спать как убитая. Раньше ей иногда снились кошмары о Дэмиене. Обычно он выглядел как в то утро: уже мертвый, с синими полосами на коже, будто кто-то облил его чернилами.

Джанет спросила доктора Норкросса, считает ли он, что эти сны вызваны чувством вины. Доктор покосился на нее таким да-ты-должно-быть-шутись взглядом, который ее просто бесил и к которому она со временем привыкла, а потом поинтересовался, не считает ли она, что у зайцев длинные уши. Разумеется. Ясно. Как бы там ни было, Джанет не скучала по снам.

– Прости, Ри. Ничего. Даже если и снилось что-нибудь, я не помню.

В коридорах второго этажа крыла Б разносился стук каблучков по цементному полу: надзиратель проводил последнюю проверку перед открытием дверей.

Джанет закрыла глаза. Она придумала сон. В нем тюрьма лежала в руинах. Пышные лозы винограда вились по стенам древних камер и колыхались на весеннем ветерке. От изъеденного временем потолка осталось только несколько свисающих балок. Пара крошечных ящериц пробежала по кучи ржавого мусора. Вокруг кружились бабочки. Густой запах земли и листвы заполнял то, что некогда было камерой. Изумленный Бобби стоял рядом с ней и заглядывал внутрь

через дыру в стене. Его мама была археологом. Именно она открыла это место.

- Как думаешь, можно попасть на ТВ шоу, если у тебя есть судимость?

Видение исчезло. Джанет застонала. Что ж, по крайней мере оно было приятным. На таблетках жизнь определенно лучше. Можно найти тихое спокойное место. Нужно отдать доку должное; лучше жить на химии. Джанет снова открыла глаза.

Ри с надеждой смотрела на Джанет. У тюрьмы не много плюсов, но, возможно, таким как Ри здесь безопаснее. В большом мире она скорее всего занялась бы проституцией. Или толкала бы наркоту торчкам, уже давно не похожим на приличных людей. Чем она и занималась.

- Что случилось? - спросила Ри.

- Ничего. Я была в раю, только и всего, а ты своей болтовней все разрушила.

- Что?

- Не важно. Слушай, я думаю нужно сделать шоу, в котором у всех участников должна быть судимость. Можно было бы назвать его «Награда за ложь».

- Мне нравится! А что в нем нужно будет делать?

Джанет села, зевнула и пожала плечами:

- Нужно подумать. Разработать правила, понимаешь?

Их жилище было неизменно и не изменится никогда, до конца времен, аминь. Камера - десять шагов в длину, четыре шага от нар до двери. Бетонные гладкие стены цвета овсянки. В специально отведенном месте на зеленую липучку прицеплены потрепанные фотографии и открытки (если бы еще на них кто-то смотрел). Вдоль одной из стен стоял маленький металлический стол, напротив - невысокий металлический стеллаж. Слева от двери стальной унитаз, на который им приходилось садиться на корточках и отворачиваться друг от друга, чтобы создать хоть иллюзию уединенности. В двери камеры на уровне глаз двустворчатое оконце открывало вид на короткий коридор, пересекающий

крыло Б. В камере все вплоть до последнего дюйма было пропитано навязчивым запахом тюрьмы: потом, плесенью, Лизолом.

Наконец Джанет невольно взглянула на солнечный квадрат между кроватями. Он почти добрался до двери – но нет, дальше он не двинется. Если только охранник не вставит в замок ключ или не откроет камеру из Кабины, свет останется таким же пленником, как и они сами.

– А кто будет ведущим? – спросила Ри. – В каждом шоу есть ведущий. А какие будут призы? Призы должны быть хорошими. Хочу подробности! Нам нужно спланировать все до мелочей, Джанет.

Ри подперла голову рукой и, глядя на Джанет, начала наматывать свои мелкие осветленные кудряшки на палец. На лбу под линией волос у Ри был шрам похожий на решетку для гриля, три глубокие параллельные линии. Джанет не знала откуда у нее этот шрам, но могла догадаться кем он оставлен: мужчиной. Может отцом, может братом, может любовником, а может и парнем, которого до этого она никогда не встречала и больше не встретит. У обитателей Исправительной тюрьмы Дулинга было немного историй со счастливым концом. Зато очень много истории с плохими парнями.

Что тут сделаешь? Можно упиваться жалостью к себе. Можно ненавидеть себя или ненавидеть всех вокруг. Можно обдалбываться чистящими средствами. Можно делать что угодно (в рамках крайне скудного списка дозволенного), но ситуацию не изменить. Твоя очередь крутить гигантское сияющее Колесо Удачи придет не раньше следующего слушания об условно-досрочном освобождении. И Джанет собиралась крутануть его как следует. В первую очередь она должна думать о сыне.

Глухой стук возвестил о том, что в Кабине надсмотрщик нажал на кнопку, открывающую шестьдесят два замка. 6:30 утра, все выходят из камер на перекличку.

– Не знаю, Ри. Обдумай все, – сказала Джанет. – Я тоже подумаю, а потом мы все обсудим. – Она свесила ноги с кровати и встала.

2

В нескольких милях от тюрьмы на террасе дома Норкроссов Антон-чистильщик бассейнов вылавливал мертвых жуков. Бассейн был подарком доктора Клинтона Норкросса жене Лайле на десятую годовщину. Всякий раз глядя на Антона Клинт задумывался о разумности своего подарка. Это утро не стало исключением.

Антон был без рубашки и на это имелись две уважительные причины. Во-первых, день обещал быть жарким. Во-вторых, его пресс был тверд, как камень. Он едва не лопался, этот Антон-чистильщик бассейнов. Он выглядел как жеребец с обложки любовного романа. Если бы кто-то вздумал выстрелить Антону в живот, следовало бы стрелять под углом, на случай рикошета. Что он ел? Горы чистого протеина? Как он тренировался? Чистил Авгиевы конюшни?

Сверкая улыбкой и стеклами Вайфареров, Антон посмотрел вверх. Свободной рукой он помахал Клинту, стоящему у окна хозяйской спальни на втором этаже.

– Господи боже, парень, имей совесть, – тихо пробубнил Клинт и помахал в ответ.

Клинт отошел от окна. В зеркале на закрытой двери ванной комнаты отразился сорокавосемилетний белый мужчина, бакалавр Корнеллского университета, доктор медицины Нью Йоркского университета, со скромными складочками жира от старбаксовского Гранде Мокко. Его седеющая борода уже не делала его похожим на мужественного дровосека – теперь он походил на опустившегося одноногого капитана.

Клинту показалось ироничным, что собственный возраст и вид полнеющего тела оказались для него такой неожиданностью. Его всегда раздражало мужское тщеславие, особенно в мужчинах средних лет, а накопленный профессиональный опыт и вовсе высушил чашу его терпения. Сам Клинт считал, что событие, определившее ход его

медицинской карьеры, произошло восемнадцать лет назад, в 1999 году, когда к молодому доктору обратился новый пациент, Пол Монпелье, с жалобой на «кризис сексуальных амбиций».

Он спросил Монпелье: «Что вы подразумеваете под «сексуальными амбициями»?». Амбициозные люди стремятся к карьерному росту. Но стать вице-президентом секса невозможно. Занятный эвфемизм.

– Понимаете... – Казалось, Монпелье мысленно взвешивает каждое слово. Он прочистил горло и продолжил. – Я все еще хочу заниматься этим. Меня все еще интересуют женщины.

Клин ответил:

– Это совсем не амбициозно. Это нормально.

Студенческая категоричность Клинта еще не прошла – это был его второй день в офисе, а Монпелье был всего лишь вторым его пациентом.

(Его первым пациентом была девочка-подросток, нервничавшая насчет приема в колледж. Однако быстро выяснилось, что она получила 1570 баллов на вступительных экзаменах. Клинт заметил, что это великолепный результат и что нет нужды ни в лечении, ни в повторной консультации. Излечена! вывел он на странице блокнота, в котором вел записи.)

Пол Монпелье сидел в кресле из кожзаменителя, в тот день на нем был белый вязаный жилет и брюки со стрелками. Он закинул ногу на ногу и постукивал пальцами по носку модной туфли. Клинт видел, как он припарковал свой спортивный автомобиль карамельно-красного цвета на стоянке перед низеньким офисным зданием. Он работал на вершине пищевой цепи угольной промышленности и мог позволить себе такие машины, но его вытянутое измученное лицо напоминало Клинту Братьев Гавс, изводивших Скруджа МакДака в старых комиксах.

– Моя жена говорит... ну не в таких выражениях, но, знаете, понятно же, что она имеет в виду. Этот, как его, подтекст. Она хочет, чтоб я забыл об этом. Забыл

свои сексуальные амбиции, – и он вздернул подбородок.

Клинт проследил за его взглядом. На потолке крутился вентилятор. Если Монпелье направит свою сексуальную амбицию туда, ее просто отрежет.

– Давайте откатимся назад, Пол. Как вы с женой пришли к этой теме? С чего все началось?

– У меня была интрижка. Это была опрометчивая случайность. И Рода – моя жена – вышвырнула меня из дома! Я объяснял, что дело не в ней, что дело в том... У меня есть потребности, понимаете? У мужчин есть потребности, которых женщины понять не могут. – Монпелье покрутил головой, разминая шею. Издал раздраженное шипение. – Я не хочу разводиться! Мне кажется, что именно она должна смириться со всем этим. Со мной.

Его грусть и отчаяние были искренними, Клинт представлял сколько боли ему причинил внезапный переезд – жизнь на чемоданах, водянистый омлет из забегаловки, в одиночестве съеденный на ужин. Это конечно не клиническая депрессия, но тоже весьма серьезно, и заслуживает внимания и уважения, хоть он и навлек на себя все свои беды сам.

Монпелье подался вперед, налегая на свой растущий живот.

– Давайте на чистоту. Мне идет пятый десяток, доктор Норкросс. Те деньки, когда я был на высоте, уже в прошлом. Но все до единого я посвятил их ей. Пожертвовал их для нее. Я менял подгузники. Я ездил на все игры и соревнования, оплачивал колледж. В анкете о браке я мог бы отметить галочкой все пункты. Так почему сейчас мы не можем прийти к компромиссу? Почему все так тяжело и решается скандалами?

Клинт не отвечал, он ждал.

– На прошлой недели я был у Миранды. Это женщина с которой я сплю. Мы занимались этим на кухне. Мы занимались этим в спальне. Нам почти удался третий раз в душе. Я был чертовски счастлив! Эндорфины! Потом я пришел домой, у нас был милый семейный ужин, мы поиграли в скрэббл и все тоже были счастливы! Что в этом плохого?

Это надуманная проблема, я так считаю. Почему у меня не может быть немного свободы? Я что, много прошу? Это что, неприемлемо?

Какое-то время оба молчали. Монпелье смотрел на Клинта. Подходящие слова крутились и прыгали у Клинта в голове, как лягушки. Их было легко поймать, но он выжидал.

За спиной у пациента стояла вставленная в рамку репродукция Хокни, которую Лайла подарила Клинту для «создания уюта». Он планировал повесить ее позже. Рядом с репродукцией выстроились нераспакованные коробки с книгами по медицине.

Этому человеку кто-то должен оказать помощь, поймал себя на мысли молодой доктор, и происходить это должно в такой вот милой и тихой комнате. Но должен ли этим кем-то быть именно доктор медицины Клинтон Р. Норкросс?

В конце концов он через многое прошел, чтобы стать доктором, и ему никто не оплачивал учебу. Он рос в тяжелых условиях и платил за все сам, и не только деньгами. Иногда ему приходилось делать вещи, о которых он не рассказывал даже жене и никогда не расскажет. И все ради этого? Чтобы заниматься сексуальными амбициями Пола Монпелье?

Мягкое извиняющееся выражение искривило полное лицо Монпелье.

– Вот черт. Я все делаю не так, да?

– Все в порядке, – ответил Клинт, и в течении следующего получаса сознательно гнал от себя все сомнения. Они разложили все по полочкам, рассмотрели с разных сторон, они обсудили разницу между желанием и потребностью, они поговорили о миссис Монпелье и ее прозаичных (с точки зрения Монпелье) привычках в постели, они даже немного отклонились от темы, чтобы удивительно подробно вспомнить первые юношеские фантазии Пола Монпелье в те времена, когда он мастурбировал челюстями плюшевого крокодила своего младшего брата.

Клинт, повинувшись профессиональному долгу, спросил Монпелье, думал ли он когда-нибудь о том, чтобы причинить

себе вред. (Нет.) Он поинтересовался, что бы Монпелье почувствовал, если бы роли поменялись? (Он настаивал, что позволил бы ей делать все, что она сочтет нужным.) Где Монпелье видит себя через пять лет? (На этом вопросе мужчина в белом вязаном свитере начал рыдать.)

В конце приема Монпелье сказал, что он уже ждет следующего, и как только он ушел, Клинт позвонил в центр. Он попросил перенаправлять все свои звонки психиатру из соседнего города Мэйлока. Оператор спросил как долго.

– Пока в аду не пойдет снег, – ответил Клинт. Из окна он наблюдал, как Монпелье сел в свой спортивный автомобиль карамельно-красного цвета и выехал со стоянки. Больше он его не видел.

Потом он позвонил Лайле.

– Привет, доктор Норкросс, – услышав ее голос он понял, что имеют в виду люди, когда говорят, что «сердце трепещет». Она спросила, как проходит его второй день.

– Мне нанес визит самый несознательный мужчина Америки, – сказал он.

– Да? К тебе заезжал мой отец? Готова поспорить, что репродукция Хокни смутила его.

Она была сообразительной, его жена, и настолько же доброй, а так же упрямой. Лайла любила его, но она постоянно сбивала его с толку. Клинт подозревал, что не так уж это и плохо. Возможно, мужчинам это только на пользу.

– Ха-ха, – отозвался Клинт. – Слушай, помнишь вакансию в тюрьме, о которой ты говорила? От кого ты о ней узнала?

Несколько секунд его жена обдумывала истинный смысл вопроса.

– Клинт, ты хочешь мне что-то сообщить?

Клинт даже не подумал, что она может быть разочарована его решением бросить частную практику ради государственной должности. Он был уверен, что она не

**Конкурс на лучший перевод фрагмента первой главы романа Стивена и Оуэна
Кингов *Sleeping Beauties***

Организаторы: сайт "Стивен Кинг.ру - Творчество Стивена Кинга" (<http://www.stephenking.ru>) и
Виктор Вебер

расстроится.

© Перевод Альтсин, 2017